

Елена Ивченко

Обратный перекид

Завтра – День первого перекида! Я лично не переживаю: папа – соня, мама – белка, у обоих хвосты отакенные. И у меня будет не хуже. В учебнике написано: вторая ипостась – обычно вид из ареала проживания, близкий к родительскому. Бывают, конечно, аномалии: бабушка вот у нас – гюрза. Видно, среднеазиатские гены. Брр, а вдруг через поколение... Ладно, не будем о плохом.

У нас весь класс уже как сдурел: фотошопом хвосты дизайнят и в Snoutbook постят. Один пышней другого. Вадька только нормальный в этом дурдоме: говорит, глупости это. Не хвостом, типа, единым. В любом обличье можно пользу приносить. Я с ним, в принципе, согласен. Хотя по ночам полчков гуглю, смотрю, какие у них. Ничё такие, пойдут.

Чёрт, и как теперь жить? Утопиться – и то не получилось.

Зашёл в Snoutbook – естественно, повывкладывали уже. И у Вадьки – самый пушистый. Полярный волк, ещё бы. Хвостина шикарный, белый, с серыми нотками. Видно, предки с севера. А не говорил, свинья.

А мне что делать с этой лопатой? Выложил в Snoutbook вместо хвоста средний палец. Не хвостом, блин, единым.

Главное, я вообще не боялся, уверен был. Даже когда в спортзал зашли, а там – веток натыкано, листьев насыпано, а в углу – типа мини-озеро. Подошёл посмотреть, думаю: не повезёт кому-то, если рыбой. Какой у рыбы хвост? Стыдоба. Тут Ильдар подрулил, по козырьку меня – хлоп: «Семёнов, бейсболкуними! И давай в строй». Пришлось снять. Классная такая, там кот с кислой мордой и надпись «not happy». У Вадьки выменял, на браслет.

В общем, построились, Ильдар Саныч речь толкнул: бла-бла, вот и настал тот день... Справа стоит Тошка Серебряков, он у нас самый маленький. Шепчет: так волнуешь, сейчас стошнит. Да чего там волноваться?

Потом Ильдар заклинание говорил, а мы повторяли. Я думал, будет торжественно, типа «Я, Андрей Семёнов, перед лицом своих товарищей...» А Ильдар Саныч завёл детскую лабуду:

Кровь, кровь – не вода,
Разведи кого куда,
Клювы, лапы, плавники,
Обратиться помощи!

Я повернулся к Вадьке – типа, что за считалочки, смотрю – а он серьёзный такой, глаза аж круглые. Ладно, повторили мы это дело – и бегом по раздевалкам – девочки направо, мальчики налево. Форму чтоб успеть снять.

Только сложил одежду на полу – чувствую: голова уплывает. Хотел ухватиться за что-то – а нечем. Рухнул, пузом ударился. От боли в голове как-то прояснилось, смотрю вокруг: божечки! Вадька – волчара белый, красава, Протасов – барсук, а Тошка Серебряков – орёл здоровенный! Кто б мог подумать. Спихнулся, свернул назад голову... Тут меня и прибило. Торчит там эта лысая лопасть от вентилятора. И в голове как полыхнёт красным: БОБЁР. Хотел зареветь, но в бобре таких опций не обнаружилось.

Поплёлся за всеми в зал: идти неудобно, лапы корявые, хвост по полу скрипит... Ильдар Саныч меня увидел, разулыбался: здорово, Семёнов, давай подсажу. И к бассейну тащит. Я нырнул, лёг на дно, не дышу. Кому нужна такая жизнь? А потом сам не понял, р-раз – и уже наверху. Факинг инстинкт. Вылез на бортик, посмотрел, как народ резвится. Ну-ну.

Потом Ильдар Саныч всех по раздевалкам разогнал: хватит для первого раза. Велел на свою форму встать, вспомнить себя человеком. Меня-то два раза просить не надо. А Вадька до конца паясничал, на месте крутился – делал вид, что никак. На самом деле хотел, конечно, покрасоваться.

Ильдар Саныч к нему подошёл, по холке похлопал, пошептал – и волчара крутнулся штопором, а из этого штопора Вадька вывинтился: голый, перепуганный, но

довольный. Ильдар ему велел одеться, потом в сторонку отвёл, что-то тёр долго. Я не стал ждать, один ушёл.

Фотки их отростков уже видеть не могу, дома сидеть невыносимо. А тут баба Кира пишет: накрутила налистников с творогом, приезжай. Поехал, с горя съел двенадцать штук, запил чайком. А она говорит: теперь показывай. А чего там показывать, стыд один.

Ладно, вышел в другую комнату, разделся, обратился. Захожу, а она: какой красавец! Хотя красота, знаешь, дело второе. Я вот, говорит, для общей пользы яд раз в год сдаю, но работа у меня обычная, скучная. Человеческая. А тебе, при такой ипостаси, можно и о смежной подумать: спасателем водным, или мосты строить. Или в разведку, – подмигивает.

Польза-шмольза, ничего она не понимает... Я обратно перекинулся, фотку Вадькиного хвоста показал. Рассказал, как тот куражился на обратном перекиде. Друг, называется. Не написал даже, не спросил, как я, после бобрового позора. Настучать бы ему по хвосту этому, чтоб знал.

Кира послушала, фотку посмотрела, губу пожевала. И говорит: не стоит, Андрюша. Не наш метод. Читай вон лучше сказки, там всё написано, – и книжицу суёт. Глянул – "Царевна-лягушка". Пока ехал в метро, просмотрел. Хм, а что, это идея.

На перекидывание не пошёл, сказал, голова болит. Ильдар Саныч поднял бровь: ладно, как хочешь. Сиди в раздевалке.

Вадькину одежду я спалил за гаражами, там как раз листья жгли, – все захватил, и носки, и трусы, и кроссовки. Бросил в костёр, потом испугался: вдруг не загорится? Вспыхнуло, только так. Права мама: кругом одна синтетика. Пошуровал палкой, вернулся в раздевалку.

Тут наши из зала повалили: пищат, рычат, ну, дети малые! Вадька с Протасовым в шутку грызутся, скалятся. Я сижу, жду: давай, Вадичек, перекидывайся – и будешь голый стоять, как дурак. Посмотрим тогда, какой ты красава, без штанов.

Все потихоньку начали обращаться, а Вадька по раздевалке крутится. Поскулил, пометался, потом сел на хвост – и ка-ак завоет! Меня аж мороз продрал. Прибежал

Ильдар Саныч, гладит волка по спине, а сам носом по сторонам водит, будто принюхивается. Гаркнул нам: форму его ищем, быстро! Я так ничего толком не понял: когда стало ясно, что формы нету, нас оттуда вытурили, отправили на урок. А Ильдар с Вадиком остался.

Потом меня прямо с урока вызвали.

Захожу в учительскую, Ильдар вежливый такой. Не видел ли ты, Андрей, в раздевалке чего-нибудь подозрительного? Нет, Ильдар Саныч, я ж не всё время, подышать выходил.

Тут он грустно на меня посмотрел и говорит: а гарью чего от тебя несёт? Эх, Андрюха, не ожидал, что слабого будешь чмарить. Тем более, друга.

Я вскинулся: это кто ж слабый, полярный волчара с зачётным хвостом!? Ильдар задумался: так он тебе не сказал? Тогда тем более не понимаю...

Я как заору: да чего, чего не сказал-то? А того, говорит, что не все такие таланты, как ты. Тебе перекинуться как чихнуть, а ему для обратного процесса запах свой человеческий нужен. И даже тогда – со скрипом. Вчера я ему помог. А сегодня, без запаха, – никак, тут даже я пас. Маме его позвонили, даст бог, найдёт нестиранную одежду. А если не найдёт, Андрюх?

И тут меня осенило. Можно к нему, говорю? Ильдар кивнул: давай, он в тренерской.

Пока бежал на первый этаж, набрал на ватсапе Киру. Баб, говорю, ты знала? Ты нарочно? А она только глазами хлопает: ты о чем, Андрюш? О сказке? Так я ж в том смысле, что любая жаба царевной может оказаться, не то что бобёр! И глаза такие честные... Никогда не поймёшь, брешет или нет. Змея и есть.

Постоял перед дверью, выдохнул. Захожу – Вадька лежит в углу на резиновом коврикe, голова на лапах. Брови только на звук поднял, а глаза большие, несчастные.

Я сел рядом на корточки:

– Вадь, я дебил. Хвосту твоему позавидовал. Я ж не знал... Мне Ильдар объяснил. Слушай, перекид этот – ерунда! Бабка моя говорит, это тренируется. А она никогда не врёт. Короче, счас всё будет.

Волчара поднял голову. Я достал из сумки бейсболку с Гарфилдом, положил рядом – и отвернулся. Чтоб не мешать.